

Сафронова Алевтина Михайловна,

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: alevtina.safronova@gmail.com.

**ПЕРВАЯ ШКОЛА ЕКАТЕРИНБУРГА (1735—1741 ГГ.):
УЧИТЕЛЯ, ПРОГРАММЫ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: латинские школы; учителя; образовательные программы; методы обучения; история образования; региональное образование.

АННОТАЦИЯ. В статье раскрывается неизученный в литературе вопрос об организации обучения в первой латинской школе Екатеринбурга, открытой по инициативе начальника казенных заводов Урала и Сибири В. Н. Татищева в 1735 г. На основе изучения ведомостей об успехах учеников, которые учителя подавали по третям года начальству, доношений учителей с требованием выдачи книг, бумаги, приобретения пособий, аттестатов, данных лучшим ученикам, аттестата, выданного учителю К. Кондратовичу при увольнении из школы в декабре 1741 г., содержания учебных книг характеризуется программа обучения и методы, использовавшиеся учителями. Устанавливается, что ученики делились на несколько классов, от двух до пяти, программа которых имела отличия. В школе работало трое учителей: немец Л. Сехтинг, обучавший детей иностранцев по их собственным пособиям, ссыльный А. Накрапаев, вводивший учеников в начала языка, и прибывший в Екатеринбург с Татищевым в качестве переводчика К. Кондратович. Основная заслуга в обучении большинства учащихся принадлежала Кондратовичу, получившему хорошее образование в Киево-Могилянской академии. Он составлял списки заказываемой литературы, готовил для издания на русском языке учебник латинского языка, активно привлекал дополнительно к школьным пособиям российские книги из собрания Канцелярии и иностранные издания из библиотеки Горного ведомства. Дети духовенства, составлявшие основную часть учащихся, некоторые сыновья заводских специалистов приобретали знания грамматики латинского языка — орфографии, этимологии, синтаксиса, просодии; учились переводить текст, составлять стихи, знакомились с риторикой, историей, поэзией. Наиболее способные учащиеся дошли до логики, физики, богословия. Школьники впервые познакомились с сочинениями классиков Древней Греции и Рима. В качестве методов обучения использовались заучивание выписанных текстов, их перевод, разговор на латинском языке, выполнение специальных заданий, составление любительских стихов, толкование текстов, восприятие на слух книг, читаемых учителем.

Safronova Alevtina Mikhailovna,

Doctor of History, Professor, Chair of Document Management, Archival Studies and History of Public Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

**THE FIRST SCHOOL OF EKATERINBURG (1735—1741):
TEACHERS, CURRICULA AND TEACHING METHODS**

KEYWORDS: Latin schools; teachers; educational programs; methods of teaching; history of education; regional education.

ABSTRACT. The article deals with the history of organization of studies in the first Latin school in Ekaterinburg, opened on the initiative of the general manager of state-owned factories in the Urals and Siberia, V. N. Tatishchev, in 1735. The issue has not been studied in literature in detail before. On the basis of school reports submitted to the headmaster at the end of each trimester, teacher's orders for books, paper, schoolbook purchasing, certificates given to the best students, the certificate issued to the teacher K. Kondratovich when he was dismissed from school in December 1741, and the content of educational books the author characterizes the curriculum and the methods used by the teachers. It is reported that the pupils were divided into several classes, from two to five in number, the programs of which were different. The school had three teachers: a German L. Sehting, who taught foreign children using their own schoolbooks, the exile A. Nakrapayev, who acquainted students with the fundamentals of language learning, and K. Kondratovich, who arrived in Ekaterinburg with Tatishchev as an interpreter. The main merit for training the majority of students belonged to Kondratovich, who received good education in the Kiev-Mohylanskaya Academy. He compiled lists of ordered literature, prepared a Latin textbook for publication in Russian, and actively used Russian books from the collection of the Chancellery and foreign publications from the library of the Mining Department in addition to the school book supplies. The children of the clergy, who made up the bulk of the students, and some sons of factory specialists were taught Latin grammar — spelling, etymology, syntax, prosody, learned to translate texts, compose poems, and got acquainted with rhetoric, history, and poetry. The most capable students even studied logic, physics, and theology. For the first time, schoolchildren met with the writings of the classics of ancient Greece and Rome. Memorization of written texts, their translation, speaking Latin, performing special tasks, compiling broken verses, interpreting texts, and listening to the reading of books by the teacher were used as the main teaching methods.

Возглавивший казенные заводы Урала и Сибири в 1734 г. В. Н. Татищев, наряду с немецкой школой, задумал открыть в Екатеринбурге и школу латинскую, в которой видел главный центр обучения детей духовенства, проживавшего на территории горнозаводского ведомства, при заводах и в селах, деревнях слобод, приписанных к заводам. Хотя по действовавшему законодательству дети духовенства подлежали обучению в семинариях Вятки и Тобольска, Татищев обязал их посещать школы Горного ведомства — словесные и латинскую. Более того, он распространил нормы об обязательности обучения детей духовенства на город Кунгур и прилегающие к нему села, попытался привлечь и детей духовного сословия, проживавших при частных заводах [6, л. 39]. Только после отстранения Татищева от управления заводами, указами Синода от 28 августа 1739 г. и 1 апреля 1740 г., адресованными генерал-берг-директориуму, и подтвержденными указами, изданными директориумом 4 сентября 1739 г. и 30 апреля 1740 г., уральскому начальству предписывалось отпустить детей духовенства в семинарии Вятской и Тобольской епархий [15, л. 273—274]. После этого в марте 1741 г. дополнительно к 7 оставшимся ученикам были приняты еще 13 детей мастеровых и других сословий [13, л. 104 об.—105].

Следует отдать должное Татищеву: благодаря его активной позиции в отношении детей духовенства они быстрее овладели русским языком в словесных школах, и обучение в латинской с 1735 по 1740 г. оказалось для них более результативным по сравнению с семинариями Вятки и Тобольска. Главное, уральское начальство, в отличие от епархиальных властей, собиравших детей в школы от случая к случаю, строго соблюдало принцип обязательности обучения, проводило переписи детей и отслеживало их нахождение в школах. Освобождались от обучения лишь великовозрастные и больные дети. В латинскую школу были опрделены и дети иностранцев, проживавших в Екатеринбурге.

Вопрос о привлечении детей духовенства в школы Горного ведомства, в том числе в латинскую, подробно раскрыт нами в специальной статье [22, с. 71—99]. Изучен и вопрос об учебной литературе, выписывавшейся для латинской школы, и книгах, использовавшихся дополнительно из библиотеки Горного ведомства, сформированной В. Н. Татищевым [25, с. 131—146; 21, с. 150—166, 492—496]. Особое внимание уделено активной творческой деятельности учителя Кондратовича, переводившего в Екатеринбурге по заданию В. Н. Татищева книги с

латинского языка, необходимые для написания «Истории Российской», и составлявшего языковые словари [23, с. 22—43; 21, с. 350—383; 24, с. 3—7]. Однако по сути нераскрытым остается важный вопрос о том, чему и как обучались подростки в латинской школе, какими знаниями они смогли овладеть в стенах этого учебного заведения и какова была роль учителей в этом обучении. В. И. Будрин сообщал, что в программу обучения учителя Кондратовича «входили: грамматика, риторика, даже пиитика», цитировал два его отзыва об учениках 1737 и 1738 гг.; отмечал, что после грамматики следовал перевод и разбор текстов из Корнелия Непота. «В старшем классе латинской школы были сосредоточены дети иноземцев: они изучали географию» [2, с. 63, 64]. Н. В. Нечаев привел перечень занятий учеников из аттестата, выданного Кондратовичу при увольнении [17, с. 75].

Учитывая важность и фактическую неизученность программы обучения и методов обучения, применявшихся в первой латинской школе Екатеринбурга, мы решили рассмотреть этот вопрос на основе архивных документов, сохранившихся в Государственном архиве Свердловской области в фонде Уральского горного управления. Были отобраны и проанализированы ведомости об успехах учащихся, составляемые учителями по третям года, доношения учителей о выдаче пособий, бумаги; аттестаты, данные Кондратовичем наиболее успевающим ученикам при направлении их на дальнейшее обучение у заводских специалистов; аттестат, полученный самим Кондратовичем по окончании работы в школе в 1741 г.

Прежде всего отметим, что в школе работало три учителя, а не два, как упоминалось в специальной литературе, и учащиеся делились на классы. Немец из Пруссии Лаврентий Сехтинг, преподававший в школе города Марбурга, по прибытии в Санкт-Петербург подписал контракт в июле 1735 г. в Академии наук о работе учителем в Екатеринбурге и службе пастором при заводах [4, л. 206—208 об.]. Он вел 1-й класс, обучал детей иностранцев, поскольку не знал русского языка. Судя по ведомостям, таких учеников в ноябре 1735 г. набралось всего 6 человек, некоторые из них покинули с родными Екатеринбург, и к декабрю 1738 г. у Сехтинга осталось 3 ученика, в 1740 г. учение вообще пресеклось [7, л. 116—117 об.; 5, л. 69—70 об.; 10, л. 369].

Данные ведомости проливают свет и на программу обучения, успехи учеников. Трое (К. Спринцель и А. Розе, сыновья штаб-лекаря и учителя, К. Морелей, сын купца,

прибывший с англичанином-доктором Грифом) начали изучать латинский язык еще на дому, в семье. В течение года они усвоили орфографию, синтаксис, двое успели повторить их. Другие ученики (сыновья молотовых мастеров и бывшего пленного шведа) начинали с обучения чтению и письму, читали пособие И. Рения (вокабулы, где приводились латинские слова с немецкими эквивалентами), переходили к Донату, затем приступали к грамматике. В семьях или у домашних учителей они обучались основам немецкого языка.

После изучения грамматики ученики-иностранцы читали «Разговоры Лангиевы», переводили и анализировали текст с точки зрения грамматических правил. Поскольку учебники грамматики И. Ланга и его «Школьные разговоры» появились в библиотеке Екатеринбурга только в 1738 г. (были присланы В. Н. Татищевым из Самары), ясно, что учащиеся на уроках пользовались собственными пособиями. То же относится и к учебникам географии И. Гюбнера: именно в них в 1-й главе речь велась о глобусе, об изображении частей света, затем излагались сведения о странах, на что указывалось в ведомостях Сехтинга об успехах учеников. Географию ученики не только учили сами, но и «слушали» чтение учителя или, возможно, читали вслух сами по очереди. По запросу Сехтинга для его учеников в Екатеринбурге у местного купца Ивана Харчевникова куплено 8 печатных ландкарт — Италии, Галлии, Швеции, Испании, Венгрии, Великобритании, Вестфалии, Греции [15, л. 140].

Закреплению знаний латинского языка способствовало чтение и толкование книги Корнелия Непота «De Vita Excellentium Imperatorum» с биографиями полководцев и императоров Древней Греции и Рима, по сути, в этом состояло и первое знакомство с историей. На немецком языке ученики читали Новый Завет и «Катехизис» М. Лютера, «Моральную книгу», как назвал ее Сехтинг в ведомостях. Арифметику дети иностранцев изучали по собственным пособиям, изданным на немецком языке, поскольку Сехтинг, не зная русского языка, пользоваться российским учебником не мог, а учебники арифметики на немецком для школ в 1735 г. не закупались [см.: 7, л. 116—117 об.; 5, с. 69—70; 8, с. 93—94; 10, л. 369].

Александр Накрапаев, прибывший отбывать ссылку в Екатеринбург из Казани, бывший учащийся Славяно-греко-латинской академии, был назначен помощником Кондратовича на втором году деятельности школы, 15 октября 1736 г. Для него организовали низший, 4-й класс, где он стал обу-

чать чтению, письму, началам грамматики латинского языка, доучивать русскому языку подростков, не успевших на дому или в словесной школе полностью овладеть письмом на родном языке. От Кондратовича Накрапаеву передали 11 учеников, принятых в сентябре — октябре 1736 г., в 1737 г. у него было 10 учеников, в марте 1738 г. — 8. С лета 1738 г. начали поступать дети духовенства, обученные грамоте в словесных школах, открытых при заводах по инициативе В. Н. Татищева в 1735—1736 гг. В июле 1738 г. были присланы из Каменской словесной школы 9 учеников, в августе и ноябре из Алапаевской и Кунгурской школы — по 5 человек. В связи с этим в 1738 г. на время был организован пятый класс. В ноябре 1738 г. в 4—5-м классах у Накрапаева училось 25 человек [5, л. 75 об.—77 об.; 6, л. 542 об.—547 об.; 8, с. 62; 10, л. 368].

Обучение русских детей начиналось с овладения латинской азбукой, затем они приступали к чтению вокабул, изданных Академией наук в 1732 г., дойдя до середины их, параллельно начинали писать полатыни. Учитель выслушивал чтение вокабул каждым из учеников. По завершении чтения их полагалось «твердить», после чего учитель приступал к началам грамматики латинского языка и передавал учеников Кондратовичу.

Главная заслуга в обучении детей в латинской школе принадлежала Кирияку Андреевичу Кондратовичу (1703—1788), человеку по тем временам глубоко образованному, а главное, активно стремившемуся передать свои знания ученикам. О своем образовании, полученном в детские и юношеские годы, Кондратович писал в доношении от 13 октября 1766 г., поданном в канцелярию Академии наук: «По смерти родителя моего, опричь российского письма и кроме вокальной и инструментальной музыки, обучался я в Киевской академии латинскому и польскому языкам 15 лет на своем коште и, начавши от грамматики, окончил я на латинском языке поэзию, ретиорику и философические части: логику, физику, метафизику и богословию...» [18, с. 477]. Полный курс Киево-Могилянской академии, где он приобрел знания польского и латинского языков, он закончил с перерывом в период с 1715 по 1730 г.

Большое влияние на формирование К. Кондратовича как личности оказал дядя, Гавриил Бужинский (1680—1731), епископ Русской православной церкви, церковный деятель и переводчик. По его приглашению Кондратович успел приобрести опыт в преподавании латинского языка в семинарии в Переяславле-Рязанском, служил переводчиком у члена Синода Феофана Прокопо-

вича. В марте 1734 г. был принят в команду начальника заводов В. Н. Татищева в качестве переводчика с латинского языка книг, необходимых ему для написания «Истории Российской» [21, с. 351–352].

С первого дня работы латинской школы Кондратович был ее главным учителем. Первыми его учениками 6 ноября 1735 г. стали сыновья екатеринбургского протопопа Иоанна — Петр и Алексей, 11 и 12 лет; в январе 1736 г. к ним прибавилось 6 человек из приписных к заводам слобод, из города Кунгура и прилегающих к нему сел, в феврале — еще 8, в сентябре — 5. С лета 1736 г. «своею волею» стали обучаться племянник секретаря канцелярии Главного заводов правления Петр Ключаров, сын канцеляриста Матвей Борисов, купца — Алексей Харчевников. Возраст учеников был самым разным, от 10 до 20 лет.

После выделения с середины октября 1736 г. четвертого класса под руководством А. Накрапаева в двух классах у Кондратовича обучались 20 человек (12 — во втором классе и 8 — в третьем). В 1737 г. соответственно 11 и 6, в 1738 г. — 10 и 6. В 1740-х гг. деление по классам в ведомостях не показывалось. В мае 1739 г. в школе числился 41 ученик, из этого числа 28, судя «по наукам», включавшим грамматику, мог обучать Кондратович [7, л. 2–5, 103–105; 5, л. 71–75; 10, л. 368; 11, л. 18–20 об.]. С сентября 1739 г. по май 1740 г. в школе обучалось 47 учеников [12, 54–60 об.]. После увольнения летом 1740 г. 37 детей духовного сословия Кондратович продолжил обучение 7 подростков — сыновей мастеров (молотового, укладного, пильного), кузнеца, доменного засыпщика, бобыля, подъячего. В марте 1741 г. дополнительно к ним были приняты еще 13 человек [13, л. 104–105]. В аттестате, врученном Кондратовичу 14 января 1742 г., перед отъездом из Екатеринбурга, отмечалось: «Всего у него, Кондратовича, оных учеников было во учение сперва с лишним 40 человек; потом же, как их оных 37 человек священно и церковнослужительские дети в июле месяце 1740-го году отсюда по указу из Государственного берг-директориума высланы в Тобольскую и Вятскую епархии в архиерейские школы, то вместо оных еще дано было ему до 20 человек» [14, с. 434–435].

Данные ведомостей об успехах учащихся позволяют говорить об отличиях в программе обучения в классах у Кондратовича. В 1735–1736 гг. он сам обучал азбуке, вокабулам и «первоначальным этимологическим правилам латинского языка» (правилам словообразования и словоизменения). Недостаточно владеющих грамотой обучал и русскому письму. С осени 1736 г. по 1741 г.

вел свои классы (2-й и 3-й) с грамматики до «высших» наук. После «доучения» и «тверждения» орфографии и этимологии (происхождения слов, словоизменения и словообразования) ученики через полтора, некоторые через два года переходили к изучению синтаксиса и начинали делать переводы с русского на латинский язык. Часть учеников после «тверждения» орфографии начинала «переводить малые задачи», в отношении отдельных учеников отмечалось: «...при конце грамматики и начинается переводить».

Изучая просодию, интонационную и акцентуационную часть языка, ученики продолжали упражняться в переводе текстов с русского на латинский, при этом в последней трети 1738 г. (сентябрь — декабрь) в отношении всех проходящих курс, находящихся «при конце прозодии», «в середине», «в начале» отмечалось: «с переводом же и толкованием книг» [8, с. 57–58]. То есть наряду с переводом текстов вводилось и толкование прочитанных учениками пособий.

Список учебных пособий для школы составлял сам Кондратович, и еще в январе 1735 г. они были заказаны начальством в Академии наук [см.: 21, с. 150–152]. Среди книг числилось 25 экземпляров грамматики португальского филолога Алвара (Альвареша) (1526–1583). Эта грамматика, «Alvares Emmanuel. De institutione grammatica libri tres», пользовалась большой популярностью в Европе в XVII–XVIII вв., вплоть до середины XIX в. Но, видимо, академическая Книжная палата грамматиками не располагала, и ни одного экземпляра на Урал не выслала. Поэтому Кондратович с благословения Татищева начал переводить, компоновать текст латинской грамматики с имевшегося у него пособия, и это пособие предполагалось отправить в Академию наук и издать для всех школ. Черновые части грамматики, по мере подготовки Кондратовичем, вероятно, копировались его помощником А. Накрапаевым для учеников, так как одного экземпляра, написанного Кондратовичем, вряд ли было достаточно. Сразу по несколько человек списывали начало, середину, конец грамматики. Накрапаев переписывал набело и экземпляр, предназначенный для Академии наук. Он был готов для отправки Татищеву в Самару в ноябре 1738 г. [10, с. 253–254].

По мере списывания текста грамматики в свои тетради ученики заучивали ее текст, затем «твердили». Вероятно, из-за отставания в копировании рукописного текста учебника некоторые подростки, согласно ведомостям, «твердили» грамматику, синтаксис, просодию во второй, а то и в третий раз.

По окончании просодии через два с половиной года пребывания в школе лучший ученик, сын попа Андрей Веснин, перешел от просодии к риторике — в майской трети 1738 г. он «в конце прозодии» и занимается «тропами и фигурами поетическими и риторическими». В первой трети 1739 г. второй по успехам ученик, сын попа Федор Кочнев, зачисленный в школу, как и Веснин, в феврале 1736 г., «доучил прозодию, обучает тропы и фигуры поетические и риторические» [8, с. 51; 11, л. 36].

Риторика в большинстве семинарий того времени являлась вершиной обучения, имелись рукописные учебники риторики. Кондратович, видимо, использовал оставшиеся у него со времен обучения в Киевской академии рукописи по риторике. Отдельные листы переписывались для учеников, в частности, по украшению речи тропами и фигурами, с выражениями похвалы и порицания, восхваления; выписывались высокопарные фразы, сравнения, сентенции, примеры из истории и т. д. Через три с половиной года обучения, во второй трети 1739 г. (май — август), двое лучших учеников отмечены как находящиеся «в начатии поэзии и делании стихов и в начале логики, которая есть первая часть философии». В третьей трети 1739 г. они уже «в начале физики и упражнений стихов», в первой трети 1740 г. — «в середине физики», а 7 учеников перешли к логике; некоторые в 3-й раз твердили грамматику, повторяли просодию, синтаксис. В ведомостях за первую треть 1740 г. отмечалось, что несколько учеников «в конце грамматики», «сверх того оные... читают Библию латинскую с рускою и делают ломаные латинские стихи, и толкуется им церковная и гражданская история, и пишут с толкованием о различных веках латинского языка, и о барбаризмах и солицизмах и переводят задачи» [11, л. 78; 12, л. 104; л. 58—58 об., 63]. Ясно, что обсуждалось появление в латинском языке заимствованных иноязычных слов и выражений, неправильные в грамматическом отношении обороты, ошибки против правил синтаксиса, иногда использовавшиеся для создания стилистического эффекта (солецизмы).

Для изучения истории из библиотеки канцелярии были взяты две книги: Ц. Барония (1538—1607) «Деяния церковные и гражданские» (М., 1719) и «Феатрон, или Позор исторический» В. Стратемана (СПб., 1724), считавшийся первым отечественным пособием по всеобщей истории. Кроме того, Кондратович взял книги из

главной библиотеки Горного ведомства, которой ведал Сехтинг: по 2 экземпляра Х. Целлария «*Historia Universalis*» и «Юстинус экспликатус», Гомера на латинском, 5 книг Цицерона; 4 книги Цезаря, «О гражданской войне» Лукана, «Трагедии» Сенеки, комедии Теренция, эпиграммы Марциала и другие сочинения классиков римской литературы на латинском [21, с. 187—188, 492—494]. Эти книги, по-видимому, читались вслух учителем и учениками и использовались для овладения риторикой и поэзией, как и сборники Вергилия и Горация, имевшиеся в школьном собрании.

В отдельные тетради наряду с частями грамматики ученики Кондратовича записывали «фигуры поетические и риторические», «задачи переводить с русского на латинский язык», «перевод с латинского на русский язык», «сочинение русских стихов». Особые тетради требовались «на переписку стихов поетических латино-русских и руско-латинских», на «Разговоры», «на философию, логику и пр[от]ч[ее]». У наиболее продвинутых в обучении учащихся должно было иметься 11 тетрадей, и таким образом формировался собственный комплекс рукописных пособий. Поэтому в доношении начальству в октябре 1738 г. на 40 человек учащихся всех классов Кондратович запросил 5 стоп бумаги, т. е. 2400 листов. Ученикам эта бумага раздавалась под расписку [10, с. 1022; 9, с. 189].

Таким образом, за время обучения в латинской школе молодое поколение духовенства, составлявшее основную часть учащихся латинской школы, и некоторые сыновья заводских специалистов приобретали знания грамматики латинского языка — орфографии, этимологии (морфологии и словообразования), синтаксиса, просодии, учились переводить текст, составлять стихи, знакомились с риторикой, историей, поэзией, ряд учеников дошел до логики, физики, богословия. Ученики впервые познакомились с сочинениями классиков Древней Греции и Рима. У них на руках оставались тетради с собственноручными выписками из книг, которые могли использоваться в будущем в их семьях. Просветительский заряд, полученный детьми за годы пребывания в латинской школе Екатеринбурга, не мог исчезнуть бесследно. Можно считать, что В. Н. Татищев открытием латинской школы выполнил свою главную задачу как сторонника просвещения — пополнил ряды духовенства более образованными по сравнению с их отцами молодыми людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берх В. Н. Жизнеописание В. Н. Татищева // Горный журнал. — 1828. — № 3. — С. 156; № 4. С. 105—106.

2. Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX века // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга—Свердловска (26—29 мая 1948 г.). — Свердловск, 1950. — С. 45—98.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. — СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1874. — 142 с.
4. ГАСО. — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 577а. — Л. 206—208 об.
5. ГАСО. — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 602.
6. ГАСО. — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 624.
7. ГАСО. — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 625.
8. ГАСО. — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 756.
9. ГАСО. — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 760. — С. 189.
10. ГАСО. — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 762.
11. ГАСО. — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 816.
12. ГАСО. — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 857.
13. ГАСО. — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 906.
14. ГАСО. — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 907. — С. 434—435.
15. ГАСО. — Ф. 24. — Оп. 12. — Д. 44. — Л. 273—274.
16. ГАСО. — Ф. 24. — Оп. 12. — Д. 226. — л. 140.
17. Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия: К истории профессионального образования в России / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. — М., 1944. — 118 с.
18. Пекарский П. П. Кондратович, русский прозаик и стихотворец, филолог и беллетрист XVIII столетия // Современник, 1858. № 6. Отд. I. С. 452—484.
19. Сафронова А. М. Горнозаводские школы // Российская пед. энцикл. : в 2 т. — М. : Большая рос. энцикл., 1993. — Т. 1. — С. 220.
20. Сафронова А. М. Книжные собрания словесных школ горнозаводского Урала (1721—1750 гг.) // Книжные собрания российской провинции: проблемы реконструкции : сб. науч. тр. — Екатеринбург, 1994. — С. 115—149.
21. Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга (опыт исторической реконструкции). — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 552 с.
22. Сафронова А. М. В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горно-заводских школах Урала в 30-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. Вып. 4.— Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. — С. 71—99.
23. Сафронова А. М. Документ о переводе труда М. Кромера по истории Польши по заказу В. Н. Татищева в 1735 г. // Архивы России и Польши: история, проблемы и перспективы развития: Сб. науч. тр. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. — С. 22 — 43.
24. Сафронова А. М. Проекты В. Н. Татищева по составлению языковых лексиконов // Девятые Татищевские чтения. Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19—20 апреля 2012 года: Материалы. — Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2012. — С. 3—7.
25. Сафронова А. М. Формирование книжного собрания первой латинской школы Екатеринбурга (1735—1737 гг.) // Библиотеки Урала XVII—XX вв. Вып. 1 / Свердлов. обл. науч. б-ка им. В. Г. Белинского. — Екатеринбург, 2002. — С. 131—146.
26. Татищев В. Н. Записки. Письма. — М. : Наука, 1990. — 440 с.

REFERENCES

1. Berkh V. N. Zhizneopisanie V. N. Tatishcheva // Gornyy zhurnal. — 1828. — № 3. — S. 156; № 4. S. 105—106.
2. Budrin V. N. Gornozavodskie shkoly Urala v XVIII i v nachale XIX veka // Materialy vtoroy nauch. konf. po istorii Ekaterinburga—Sverdlovsk (26—29 maya 1948 g.). — Sverdlovsk, 1950. — S. 45—98.
3. Vladimirskiy-Budanov M. F. Gosudarstvo i narodnoe obrazovanie v Rossii s XVII veka do uchrezhdeniya ministerstv. — Spb. : Tip. V. S. Balasheva, 1874. — 142 s.
4. GASO. — F. 24. — Op. 1. — D. 577a. — L. 206—208 ob.
5. GASO. — F. 24. — Op. 1. — D. 602.
6. GASO. — F. 24. — Op. 1. — D. 624.
7. GASO. — F. 24. — Op. 1. — D. 625.
8. GASO. — F. 24. — Op. 1. — D. 756.
9. GASO. — F. 24. — Op. 1. — D. 760. — S. 189.
10. GASO. — F. 24. — Op. 1. — D. 762.
11. GASO. — F. 24. — Op. 1. — D. 816.
12. GASO. — F. 24. — Op. 1. — D. 857.
13. GASO. — F. 24. — Op. 1. — D. 906.
14. GASO. — F. 24. — Op. 1. — D. 907. — S. 434—435.
15. GASO. — F. 24. — Op. 12. — D. 44. — L. 273—274.
16. GASO. — F. 24. — Op. 12. — D. 226. — l. 140.
17. Nechaev N. V. Shkoly pri gornykh zavodakh Urala v pervoy polovine 18-go stoletiya: K istorii professional'nogo obrazovaniya v Rossii / Mosk. gos. ped. in-t im. V. I. Lenina. — M., 1944. — 118 s.
18. Pekarskiy P. P. Kondratovich, russkiy prozaik i stikhotvorets, filolog i belletrist XVIII stoletiya // Sovremennik, 1858. № 6. Otd. I. S. 452—484.
19. Safronova A. M. Gornozavodskie shkoly // Rossiyskaya ped. entsikl. : v 2 t. — M. : Bol'shaya ros. entsikl., 1993. — T. 1. — S. 220.
20. Safronova A. M. Knizhnye sobraniya slovesnykh shkol gornozavodskogo Urala (1721—1750 gg.) // Knizhnye sobraniya rossiyskoy provintsii: problemy rekonstruktsii : sb. nauch. tr. — Ekaterinburg, 1994. — S. 115—149.

21. Safronova A. M. V. N. Tatishchev i biblioteki rannego Ekaterinburga (opyt istoricheskoy rekonstruktsii). — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2011. — 552 s.
22. Safronova A. M. V. N. Tatishchev i obuchenie detey dukhovenstva v gorno-zavodskikh shkolakh Urala v 30-e gg. XVIII v. // Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': Sb. nauch. trudov. Vyp. 4. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2004. — S. 71—99.
23. Safronova A. M. Dokumenty o perevode truda M. Kromera po istorii Pol'shi po zakazu V. N. Tatishcheva v 1735 g. // Arkhivy Rossii i Pol'shi: istoriya, problemy i perspektivy razvitiya: Sb.nauch.tr. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. — S. 22 — 43.
24. Safronova A. M. Proekty V. N. Tatishcheva po sostavleniyu yazykovykh leksikonov // Devyatye Tatishchevskie chteniya. Vseros. nauchno-praktich. konf. (Ekaterinburg, 19—20 aprelya 2012 goda: Materialy. — Ekaterinburg: Izd-vo UMTs UPI, 2012. — S. 3—7.
25. Safronova A. M. Formirovanie knizhnogo sobraniya pervoy latinskoy shkoly Ekaterinburga (1735—1737 gg.) // Biblioteki Urala XVII—XX vv. Vyp. 1 / Sverdl. obl. nauch. b-ka im. V. G. Belinskogo. — Ekaterinburg, 2002. — S. 131—146.
26. Tatishchev V. N. Zapiski. Pis'ma. — M. : Nauka, 1990. — 440 s.